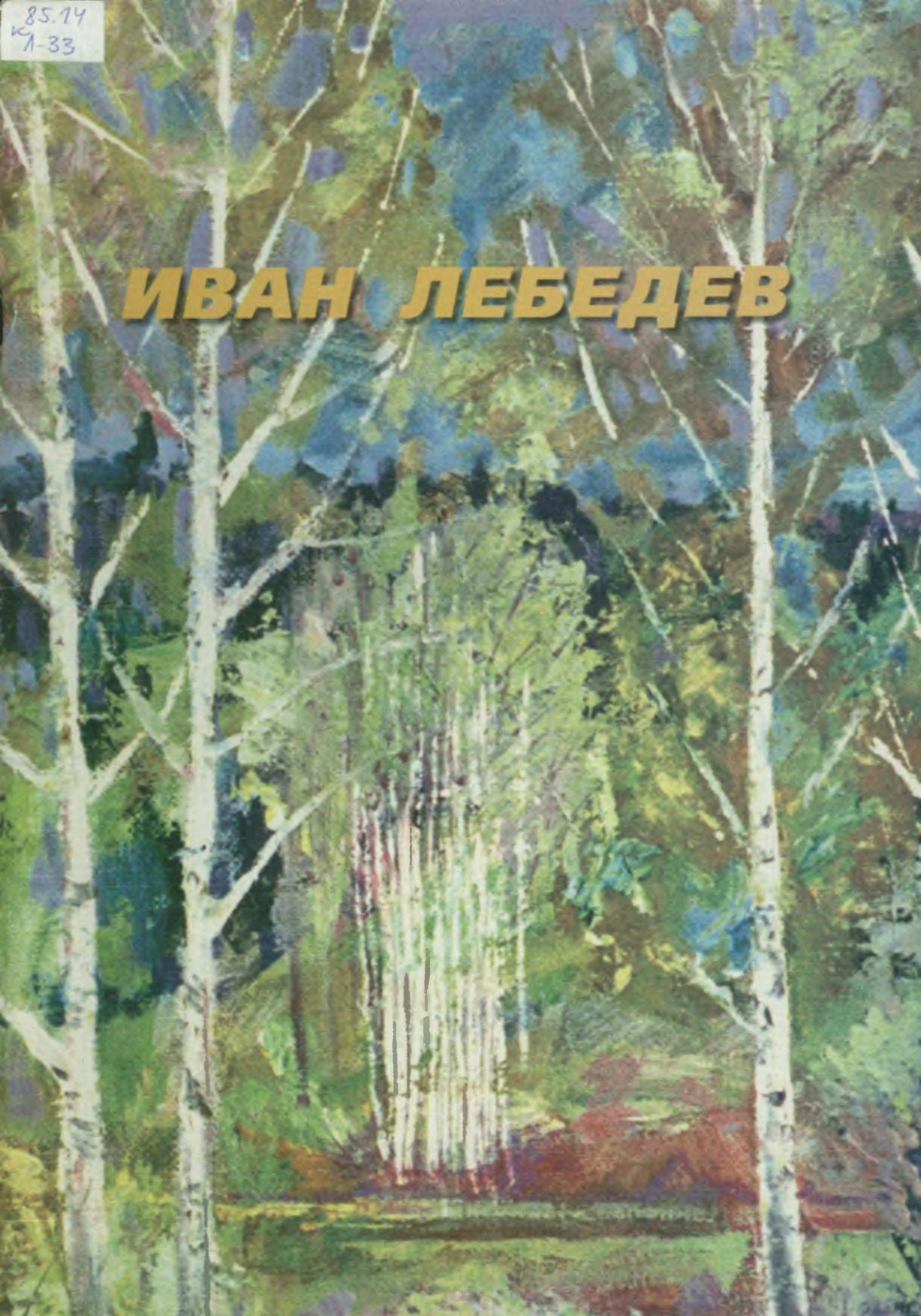

85.14
к
1-33

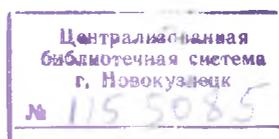
ИВАН ЛЕБЕДЕВ

ЛЕБЕДЕВ
ИВАН
АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЖИВОПИСЬ

2000 г.

И.А. Лебедев принадлежит к числу знаковых художников места и времени, определивших особенности его характера, мировоззрения и творческой судьбы.

Путь в искусство начал учеником художника - профессии для Новокузнецка тех лет крайне редкой и экзотичной - в период, когда плакатами, диорамами, киноафишами, выставками полупрофессионального творчества едва только начался процесс становления изобразительного искусства.

Он из поколения динамичной истории, с драматическим опытом военного детства, поколения, пришедшего в себя только в шестидесятые, - «шестидесятник» - романтик и лирик, типично сибирский художник, не желающий отставать от новаций в искусстве, но мало заботившийся о профессиональной карьере.

Главный этап его жизни, уже с творческой биографией, начался после армии и окончания Казанского художественного училища, в обстановке строительства Западно-Сибирского комбината - второго после КМК крупного градообразующего предприятия, вызвавшего в Новокузнецке новый прилив энтузиазма (по определениям того времени - «чувство романтической приподнятости»). Многообещающий лозунг «Превратим Сибирь в край высокой культуры» стимулировал приток художественной интеллигенции в город.

И первым исходным свойством вернувшегося на родину художника стало романтическое восприятие современности, творческой базой - «школа наследия Фешина», которым гордились ученики, но более всего - решительное стремление писать по-новому, современно, вопреки устоявшимся идеологическим и формальным стереотипам пятидесятых, фанатическая страсть молодого начинающего автора к искусству.

В начале 60-х годов искусство Лебедева не вписывалось в местные традиционные представления о канонах станковой живописи. Он оказался формально свободнее, чем большинство, хотя и не радикально. Владел языком нового стиля с обобщенной предметной информацией, стилизацией и декоративностью цвета, увлекался пластической эстетизацией природы.

Оказалось, что возможности творческого роста художника в индустриальном городе, с узкой профессиональной средой, с единственным источником существования и осуществления - «соцзаказом», были довольно ограничены. Как советский художник, он должен был ощущать себя участником коллективного производства, процесса созидательного, и отзываться программными произведениями, декорирующими идеологию. Это было время типового мировосприятия, для которого автор должен был найти форму личного творческого выражения. Несмотря на отдаленность от художественных кругов Москвы, обычно начинающей стилистические движения, они подхватывались в сибирских провинциях авторами, обладающими живым восприятием. В их число входил И.А. Лебедев. Но бесспорно, между приемами искусства «сурового стиля», используемыми новокузнецким художником в ряде произведений («Минута отдыха», 1963, «Правда», 1967), - этой кульминации социальной идеи - и философией жизни существовала внутренняя связь. Формула «человек труда» еще не превратилась в расхожее - «простые люди», была наполнена уважительным смыслом. Ведь они несли в себе и отстаивали по тем временам всеобъемлющую правду.

Укрупненный масштаб, статуарность, нарочитая огрубленность пластики, жесткость рисунка, фактуры, цветовой минимализм - признаки «суровиста», а также прием авторской отстраненности войдут в практику Лебедева, но ненадолго.

Уже в композиционном портрете «Дядя Паша» (1969), сопровождаемом пластическим и образным комментарием, но еще стилистически «суровом», проявится личное, теплое чувство художника. Со временем все более явственной и глубинной станет авторская оценка - эмоционально теплая интонация в отношении к объекту изображения, будь это природа, человек или предмет. К этому пониманию он придет через множество портретных студий, выполненных в реалистической манере, фиксирующей свето-цветовые нюансы.

Популярная в те годы идея народности, подлинности, осуществится в искусстве Лебедева не только в выборе персонажей и тем, но и в средствах ее выражения - композиционной незамысловатости, пластическом наиве, декоративности цвета. Так, поиски духовной опоры на истинно народное скажутся в серии романтизированных пейзажей о гармонии природы, решенных методом обобщенно-поэтического повествования («Знойный день», 1975, «Деревенской улицей», 1981).

Тема «суровой простоты и правды» сохранится в жанре натюрморта. Именно они выполняли функцию декомпенсации, способствовали развенчиванию пафоса «суровой» поэтики и разрешению конфликта с идеологическим неуютом в культуре. Серия натюрмортов с откровенно элементарными персонажами - буханкой черного хлеба, бутылкой, кружкой, сухой рыбой, мятой газетой (средство информации в качестве обертки!) множится, варьируется. Идеально-символическим образам - осознанно или случайно, как материал, который всегда под рукой, противопоставляется прозаическая простота ежедневности.

Словом, любое тематическое и стилистическое движение воспринималось, разрабатывалось им и тут же вносилось в практику. Художник с удивительной свободой менял жанры, принимая условия художественных новаций. Проблемы начинались уже внутри жанра, но переход от темы или образа к другому мог быть спонтанным. То увлекался жесткостью предмета в соотношении с пространством, выявлением в динамических отношениях с ним конструкции формы («Вид из окна»), то влюблялся в модель, и тогда появлялись образы сосредоточенно созерцательные.

Особую область портретного жанра И. А. Лебедева составляют изображения детей. Художник проявляет чуткое, теплое отношение к их серьезному миру. Дети на портретах Лебедева предстают как индивидуальности, наделенные духовной значительностью.

Но и в жанре натюрморта со временем произойдут изменения, подчеркивающие исключительно живописные качества натуры. В них, как впрочем в пейзажах и портретах, словно прорвется сдерживаемая мощь - живописный темперамент Лебедева-цветовика, до этих пор внутреннюю напряженность мотива акцентирующего «рубленной» пластикой и декоративной обобщенностью.

Легко, искренне, страстно и цельно И. А. Лебедев писал пейзажи. Умел вовремя отдалиться от натуры и погрузиться во власть художественности, определяющей образ. Содержательную насыщенность картинам природы придавали пространственные планы, четко структурированная композиция, прохладный свет, исходящий от объектов в зимних пейзажах или многоцветие летнего дня, пластический сценарий. Характерная особенность его метода - символическая конфликтность рубленной, структурированной формы в совокупности с эмоционально воспринимаемыми цветовыми свойствами реальности.

Но «лебединой» песнью стали пейзажи Юрьевки - окрестности дачи, которую он строил сам и по собственному проекту, на островке, в уединении.

Последние годы художник жил в Павловске, который много и влюблено писал. Участвовал во всех отчетных выставках Санкт-Петербургского Союза художников, весенних, осенних...

Можно ли считать творческую биографию И. А. Лебедева, развивавшуюся в условиях сибирской провинции, удачной? Достаточно взглянуть на каталог его участия в выставках, количество реализованных им монументальных росписей и музейных закупок, по сибирским меркам того времени их немало, как и число публикаций о нем, свидетельствующих о том, что художником он был известным в нашем регионе и своевременно оцененным.

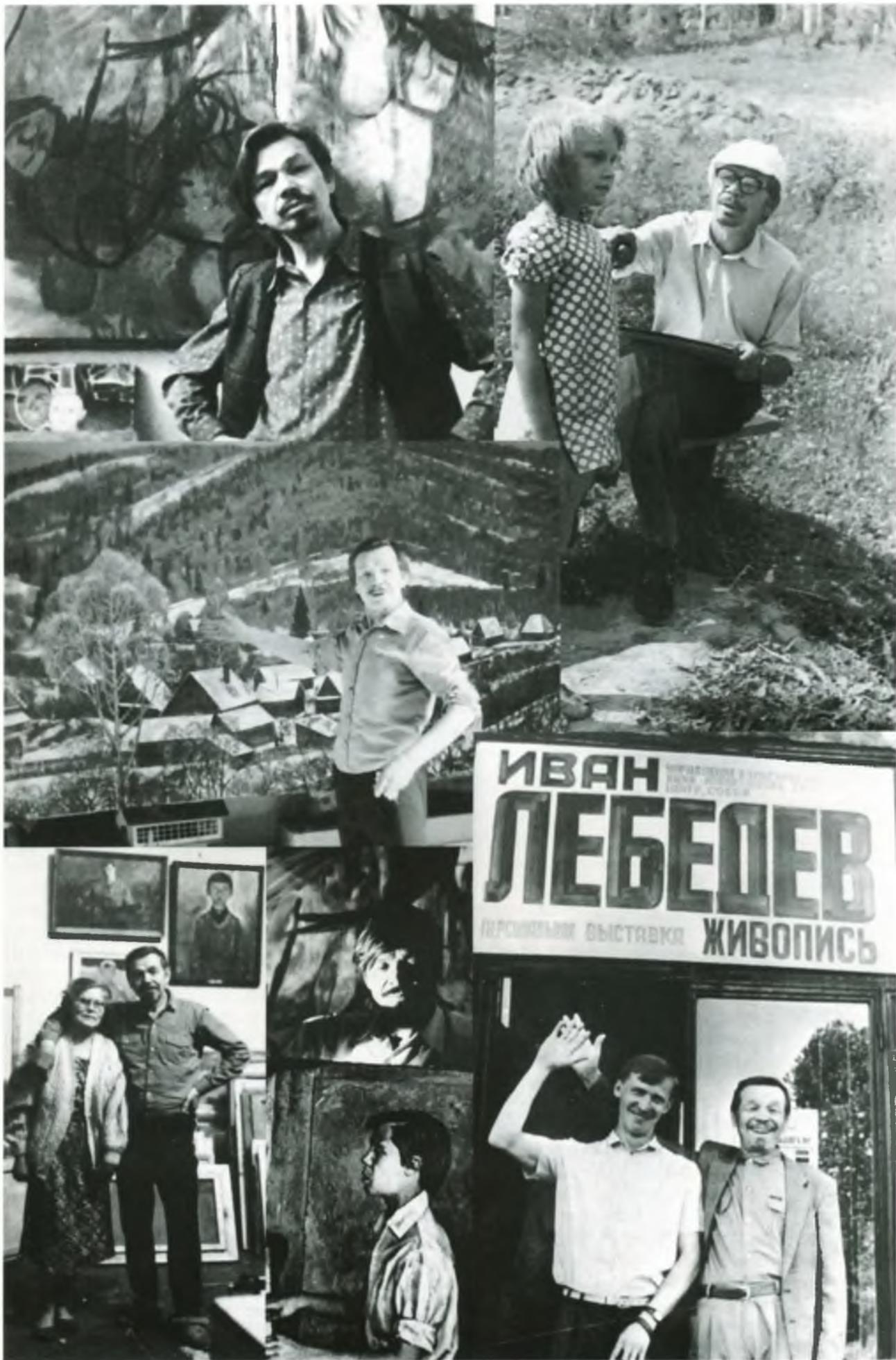
Но кто теперь может определить, какую планку ставил перед собой художник?! Был ли он доволен собой даже в период расцвета - в 70 - 80-е годы, когда считался ведущим живописцем в нашем городе, по крайней мере, популярность он принимал просто и естественно. При всей своей внешней контактности, с вечной улыбкой на губах, смеющимся взглядом глаз, он оставался все-таки человеком закрытым, как и должно быть свойственно творческой личности, обнажающей себя лишь в работах.

Дело не только в чувстве идеологической несвободы в искусстве, которую пережило его поколение, или коммерческих факторах последних лет. Нормативные темы писал не просто добросовестно, технично, а искренне, образно, заражаясь всеобщим чувством романтизма, которое давала реальность, действительно преобразуемая на глазах. Но и, отчасти, в сдерживающих провинциальных условиях.

Уже к концу шестидесятых он становится художником актуальных тем и актуальных концепций живописи. В начале десятилетия - «суровист», в 70-х в его системе появляются линии нарочитого наива, подчеркнутый декоративности. В 80-х годах в его творчестве формируется новая модель отношений с природой и традициями, более экспрессивная. В этот период Лебедев стал необычайно живописным - уже в более динамичных цвето-пластических характеристиках стилизовал объекты изображения.

Впрочем, во всем он был динамичной творческой личностью. Просматривая его художественное наследие, невольно отмечаешь этапы стилистических и тематических перипетий развития отечественного искусства второй половины столетия.

ИВАН ЛЕБЕДЕВ
ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

Л. В. Микрюков, член Союза художников, г. Санкт-Петербург

«Помню, Иван появился в училище в бушлате, в широких брюках. С ним еще двое сибиряков после армии. Жили бедно, в баню ходили по трамвайным билетам, благо были похожи. Одевались - кто во что, внимание на это не обращали.

В то время открылась «форточка» хрущевской оттепели. Слово стало свободным: Евтушенко, Вознесенский... На встречу со студентами в училище приходили друзья Сергея Есенина, Маяковского. Пришло увлечение авангардом, хотя директором училища поставили полковника в отставке.

Казанская школа имела свои традиции. Аура Фешина играла роль. Репин называл его самым талантливым из своих учеников. Бывали дочь и брат Фешина. ... Атмосфера в училище была чистой, открытой... Преподавал у нас ученик Фешина - Тимофеев Василий Кириллович, сохранявший и передававший ученикам его мощную школу. Особенно бурно обсуждались свободные выставки. Иван часто был нашим центром. Я не знаю, когда он отдыхал и отдыхал ли вообще. Работал фанатично, у него всегда все получалось. В сравнении с другими он выделялся мощным почерком. Есть в живописи Лебедева очень сильный творческий стержень, сильное индивидуальное чувство. В каждой работе своя система и интонация. Еще в студенческие годы, когда на этюды выходили, было заметно, как его страстно волновала природа... Он сам себя создал - ежедневным трудом. И вообще Иван входил в когорту самых талантливых учеников».

Г. Л. Немченко, член Союза писателей России, г. Москва

«... в пятьдесят восьмом, пожалуй, за год до собственного моего распределения в Сибирь, сюда, в тогдашний Сталинск, приехала большая группа молодых художников и архитекторов, только что окончивших в Ленинграде академию. Всех поселили на главной улице в Старокузнецке, само собой имени Ленина. Питерцы тут же негласно переименовали ее: стала «улица Академиков».

Само собой, что в нашем пропахшем дымом стальным да угольным Новокузнецке были совсем другие заботы, но поездка на утонувший в снегах либо отрезанный от внешнего мира межсезонными хлябями Запсиб и тут считалась чуть ли не подвигом: не один раз сопровождавший тогда «питерцев», помню, с какой гордостью раскладывали они потом свои «почеркушки» карандашом либо раскладывали наброски маслом. Как же - начало великой стройки! И вдруг...

И вдруг во Дворце культуры молодежи, как тогда назывался на Антоновской площадке наш клуб-первенец, в углу просторного, во весь этаж спортзала, полотном и рядом с ним высокий, худой и мосластый, одетый так же, как одевались тогда работяги на стройке, да и вообще чем-то очень похожий на лучших из них, на нашу тогдашнюю «элиту»: вроде простонародное, но такое выразительное лицо, горящие вдохновением глаза, сильные, с крупными пятернями руки. А картина, картина!... Вольно сидящие на бетонной плите ребята в робах, а позади - самосвал с поднятым кузовом, как бы вместе с ними отдыхающий от трудов... Тоже знак вольницы, недаром же у водителей Антоновской автобазы «задрать ящики» означало: начать забастовку.

Это потом уже наше поколение обвинят в «рабской психологии», и еще в чем только не обвинят. Не надо, дорогие мои, не надо: вы бы попробовали сопротивляться так нынче, вы бы поотстаивали свое - в творчестве, имею в виду! - как отстаивал тогда он, Иван Лебедев, только что окончивший Казанское художественное училище и получивший для начала в качестве мастерской этот уголок спортивного зала: не символично ли?

Как мы жили тогда!... Буханка черного хлеба, жестянка с кильками, луковица да бутылка... Но весь мир в душе, поверьте: весь мир! Был он в ту пору суров, строг, но одновременно хрупок и нежен, нуждался то в защите, то в помощи, и главное, что отличало тогда так называемых протестантов, это ответственность за него, за весь мир, и - надежда. Не вина наша, а беда всенародная, что надежды не оправдались, но задача художника - создать образ времени, оставить его для будущих поколений, и с этой задачей Иван Александрович Лебедев (светлая ему память!), справился, как настоящий, высокий Мастер. Энергия большой стройки, на которой он начал, постоянно kloкотала и в нем самом, и наполняла его картины. Иносказание лишь добавляло им тайны.

Вот сидящие рядом люди, с натруженными руками и лицами явно задумчивыми, каждый со своим характером, печатью самобытности, с а м о с т и. У одного из них в руках развернутая газета. Читают «Правду». Исходящая от современников художника спокойная мощь диктует зрителю уверенное: «Прочти и ты! О нас. Правду».

Начинающий как чисто городской художник, явный сперва урбанист, вскоре он взялся осваивать таежные пространства окрест: пожалуй, этому способствовала трогательная и верная дружба со знатоком и коренным насельником наших удивительно во всякое время красивых мест - художником Иннокентием Кузнецовым...

Задумчивый и неброский сибирский пейзаж постепенно стал, может быть, главным в творчестве Ивана Александровича, а умиротворенное состояние сумевшего слиться с природой, с Божьим миром вокруг человека, деятельного и цельного, сделалось настолько притягательным, что на картины Лебедева можно смотреть так же подолгу, как и на дорогие сердцу места в отрогах Ала-Тау. Поневоле вспоминается новомодный термин: л а н д ш а ф т о т е р а п и я. Не всякому дается спокойная мудрость целостства: он был редким ее обладателем....

Кроме подаренного когда-то Иваном Лебедевым небольшого пейзажа у меня теперь есть картина, написанная им уже в Павловске, под Санкт-Петербургом, куда он все-таки решил перебраться.

Посреди черных голых деревьев по краям картины - старый собор с темно-синими куполами, над ним - удивительное северное небо, готовое в любую минуту переменить цвет: этой перемены невольно ждешь, о ней думаешь, ее стараешься предугадать, и эта загадка света над православным храмом, словно загадка души человеческой, которую пытался отгадать большой искривленный художник...»

Подсолнухи. 1965. Холст, масло, 120x118. (Собственность НХМ).

Дядя Паша. 1969. Холст, масло, 115x105.

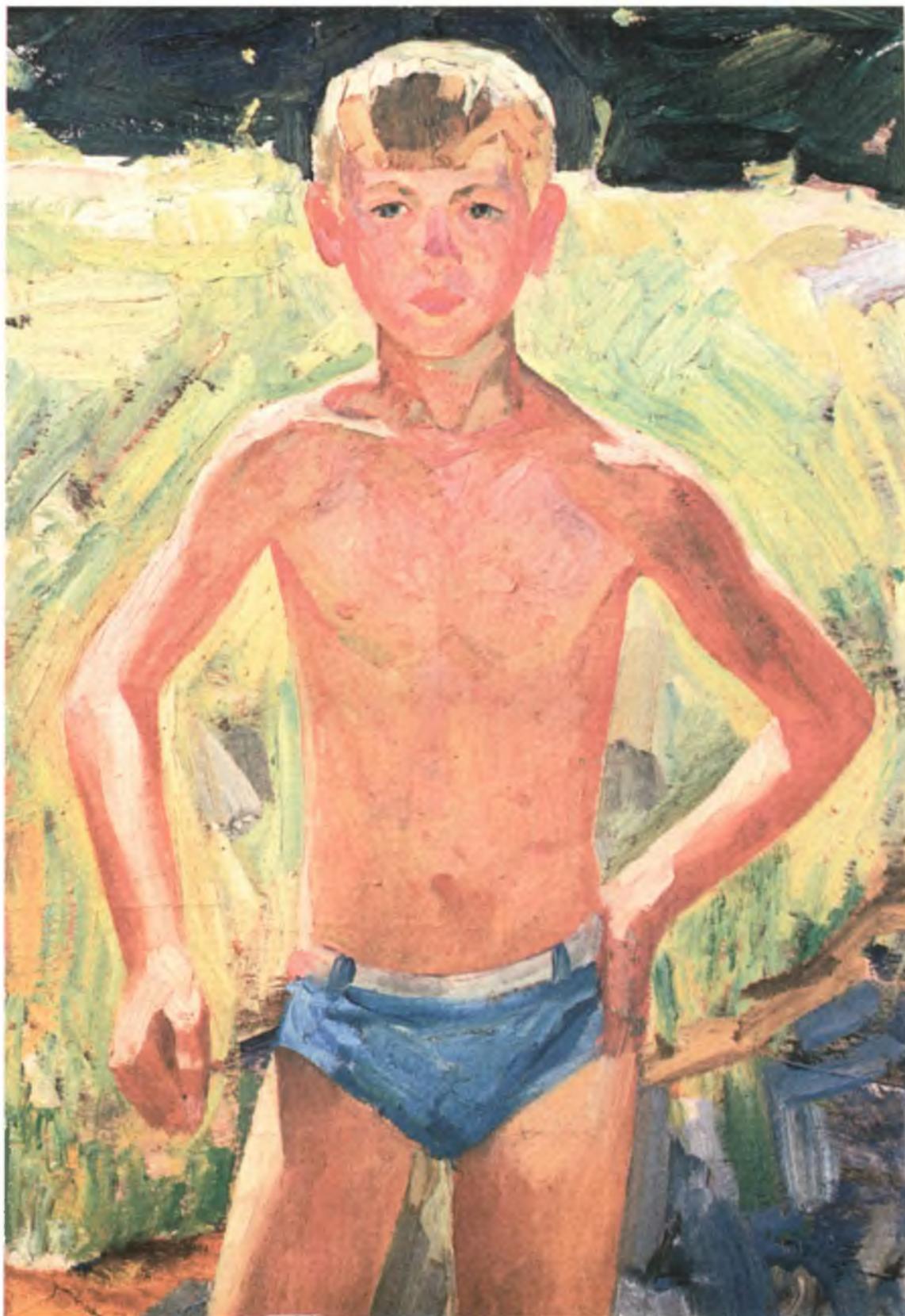
Правда. 1967. Холст, масло, 160x230.
Натюрморт с белой скатертью. 1968. Холст, масло, 103x131.

Отражение. 1966. Картон, масло, 47х66.

Обнаженная. 1970. Картон, масло, 78x100.

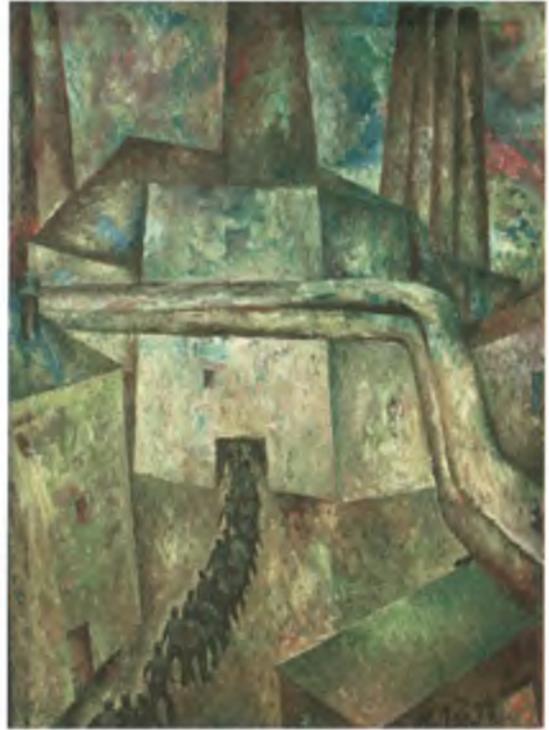
Сереза-рыбачок. 1973. Картон, масло, 60x41.

Девочка из Кинерков. 1973. Картон, масло, 40х35.
Пейзаж. 1972. Холст, масло, 65х80. (Собственность НХМ).

Мальчик. 1970. Холст, масло, 80х60.

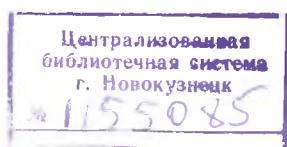
Заводской двор. 1973. Картон, масло, 69x49.
Индустриальный пейзаж. 1973. Картон, масло, 50x70. (Собственность НХМ).

Натюрморт. 1978. Картон, масло, 50x72. (Собственность НХМ).

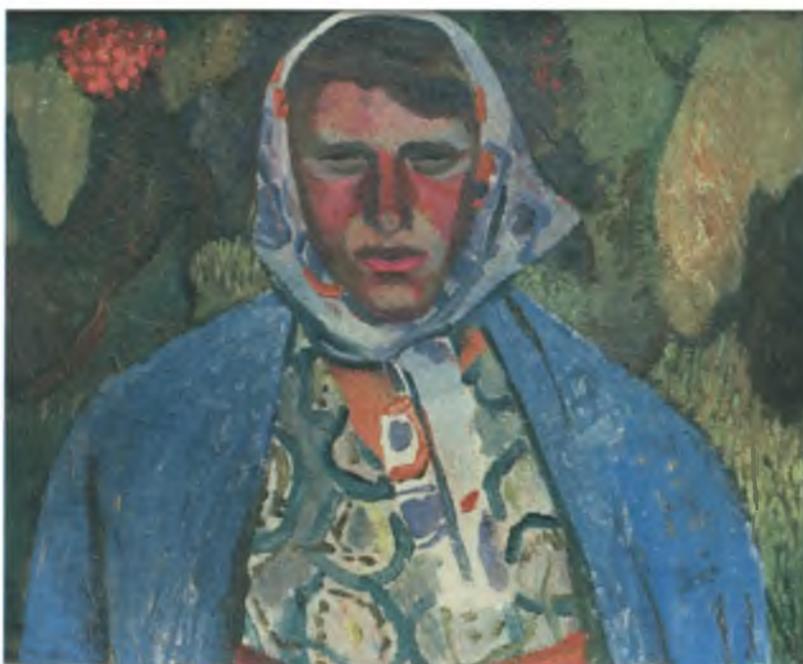

Сергея. 1970. Холст, масло, 95x66. (Собственность НХМ).

Знойный день. 1975. Картон, масло, 78x98.

Доярка. 1965. Картон, масло, 59х72.
Чернявино. 1972. Картон, масло, 50х76. (Собственность НХМ).

Портрет матери. 1975. Холст, масло, 105х90. (Собственность НХМ).

Каллы. 1978. Холст, масло, 70x54. (Собственность НХМ).

Фрукты. 1971. Холст, масло, 119х68. (Собственность НХМ).

Мальчик с котом. 1973. Холст, масло, 70x50.

Юный пианист. 1976. Холст, масло, 90x75.

Маяковский. 1980. Холст, масло, 88x118.

Розы. 1982. Холст, масло, 45x55. (Собственность НХМ).

Осень в Юрьевке. 1981. Холст, масло, 99x89. (Собственность НХМ).

Моя Юрьевка. 1980. Холст, масло, 96х120. (Собственность НХМ).

На новом разрезе. 1983. Картон, масло, 50x70. (Собственность НХМ).

Первый снег, 1981. Холст, масло. 90x125. (Собственность НХМ).

Зима. 1978. Холст, масло, 70х54. (Собственность НХМ).

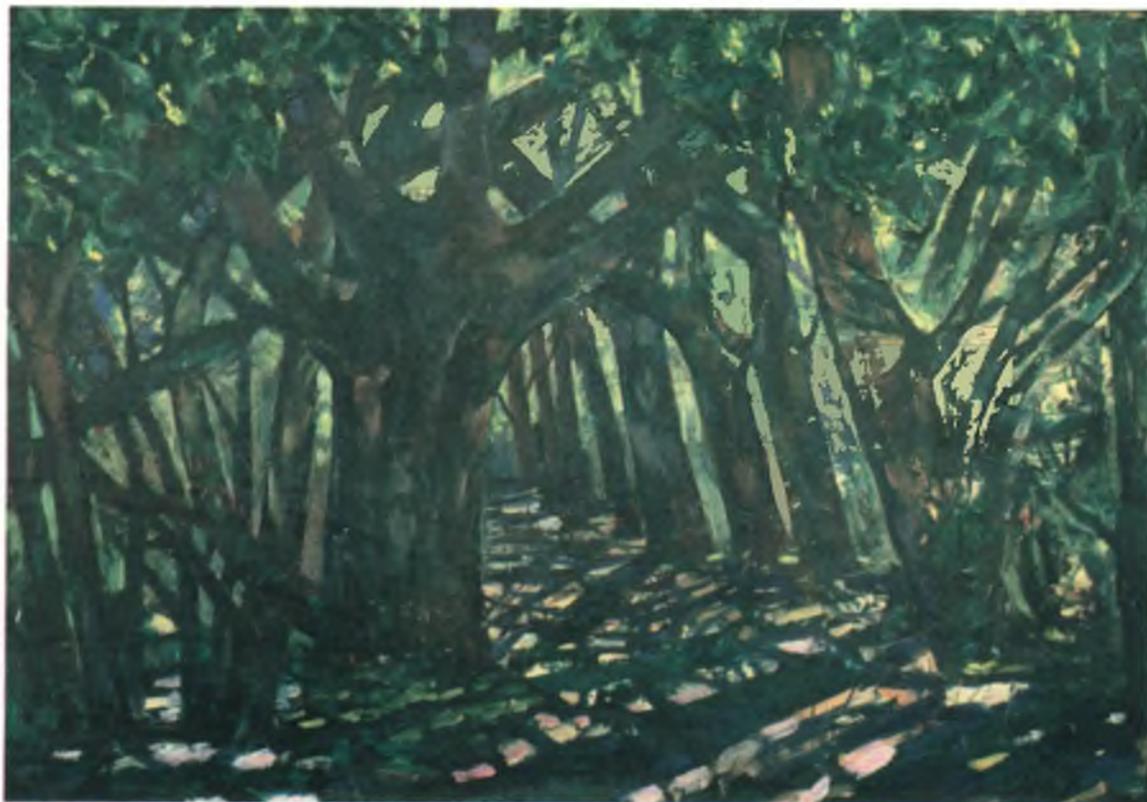
Пейзаж. Кусково. 1978. Холст, масло, 50х80. (Собственность НХМ).

Светлана. 1985. Картон, масло, 72x50.

Рыба. 1981. Картон, масло, 45x65.

Дубовая аллея. 1991. Картон, масло, 42х60.

Внучка Оля. 1998. Холст, масло, 25х22.
Северная деревня. 1998. Холст, масло, 46х68.
Федоровский собор. 1997. Холст, масло, 50х63.

Пиль-башня. 1994. Холст, масло, 50x45.

Первый снег. Юрьевка. 1994. Холст, масло, 98,5x128,5.

«Исключили из училища. Для меня это было большой неожиданностью. Для ребят тоже. Пятый дипломный курс. Что делать? Появилось много времени для раздумий, может, что надумаю? Директор сказал, что есть еще кандидаты на отчисление. Это только в нашем училище. А может быть, и в других есть кандидаты? А сколько по Союзу? Да, многовато. Может быть, там директора другие? Все может быть. А кто все эти кандидаты, спросите вы? - «Формалисты», - ответят директора. А может быть, только наш директор так ответит? Может быть, там директора другие? Но кто же они такие, эти формалисты, чем они занимаются, откуда они? Этот ярлык на меня наклеил директор. Попытаюсь рассказать, кто я.

Когда мне было 3-4 года, отец рисовал коньков-горбунков, а я их старательно перерисовывал. Мне очень нравилось рисовать линией, контуром дугообразную упругую шею коня, стройные тонкие ноги с красивыми деталями копыт, пышным хвостом. И особенно нравилось в конце пририсовывать уздечку с ее золотыми кругленькими бляшками. Уздечки как-то придавали законченность рисунку.

Подрос. Начал рисовать с картинок, особенно календарей. Любил копить разные цветные картинки со спичечных коробок, из газет, особенно мне нравилась цветная «Пионерская правда». Мы плохо жили, поэтому газет не выписывали. Я покупал их в киоске. Однажды в праздник мне дали рубля два или три, и я с ними побежал в книжный магазин. Что купить? Какую книжку? Читать я не умел. Мне понравилась одна большая книга, в хорошем переплете и в ней много-много красивых сложенных карт. Купил. Принес домой. Все начали меня ругать. Оказалось - купил «Конституцию СССР»!

Стал старше. Начал срисовывать портреты. Чаще всего рисовал Сталина и Ленина. У Сталина мне нравились усы, у Ленина - борода. Усы и бороду пририсовывал в конце, и они сразу становились похожими. Показывал другим - ахали, говорили - талант.

Еще помню, как мы с братишкой, который был старше меня на три года, часто соревнуясь - «Кто лучше?» - лепили из желтой глины Чапаева в папахе набекрень. Я всегда выходил победителем.

Пошел в школу. Помню, на 3-4-й день был урок рисования. Наша учительница Таисия Ивановна прикрепила на черную доску маленький рисунок репки и сказала, чтобы мы ее срисовывали цветными карандашами. Тетрадка была в косую клетку. Начал рисовать и забылся. Не заметил, как подошла учительница, осторожно взяла у меня тетрадь, подняла над головой и сказала всему классу: «Вот, ребята, как надо рисовать». Похвалила. Я покраснел и не знал, как себя вести.

Третий класс. Началась война. Отца взяли на фронт, все плакали. Особенно мама. Хлеб стали давать по карточкам. Везде очереди. В газетах печатались снимки. На них я увидел людей, висящих на виселице. Радовался. Думал, что немцы висят. Оказалось, наши. Не хотелось, чтобы наши. Чувствовал, что горе общее, везде горе. По радио часто пели песню: «Идет война народная, священная война...» - мурашки пробегали по коже. Сочинил стихотворение... Хотел в «Пионерскую правду» отправить.

На улице, около остановки, вывесили большие плакаты на фанере. Помню, мать-женщина держит листок с присягой одной рукой, другую подняла вверх, призывая. За ней много штыков. Другой плакат - наш боец в каске, с автоматом, одной ногой стоит на враге. Лицо у немца страшное от боли, глаза выкатились. Не жалко. Я жил недалеко и зимой бегал к этому плакату. Посмотрю и бегу домой, нарисовать, что запомнил. Потом опять бегу смотреть. Рисовал уже акварельными красками.

Повзрослел. Начал все понимать. Особенно голод. А война все шла. Учиться было неохота. Плохо стал учиться.

Война кончилась! Все веселились. Все плакали. Мой отец уже не придет. Многие на костылях. На площади играл оркестр. Настроение веселое. Но все еще голод. Всюду говорят о хлебе и картошке.

Мне 16 лет, я не учусь. Сентябрь. Должен идти копать картошку. Все идут в школу. Грустно. Завидую им.

Зима. На улице холодно. Собираемся в подъезде, батареи холодные. Уже не помню, когда их топили. Не верится, что они бывают горячими. Говорили о разном. Больше о еде, поджигаях и обрезках. Говорят, на свалке один мальчик нашел наган. Вот здорово было бы, если бы я нашел!

Договорились утром пойти на свалку. Ждем Ваську. Он на нашем этаже живет. Часто на улицу выносит кусок хлеба. Может, и сейчас вынесет.

Мама работает. Приходит усталая, ругается, что от рук отбилась. Уже большой, а не учусь и не работаю. Обещает, что завтра поведет в ремесленное училище. Мне не хочется туда. Все одинаковые. Все одеты в синие костюмы и фуражки. Ленка, мой дружок, уже там. Рассказывает о разных машинах, станках, винтиках. Неинтересно слушать. А мама уже три месяца все ругается и обещает завтра отдать в училище. Но ей, наверное, жалко меня туда отдавать.

Часто хожу во Дворец культуры КМК. Правда, редко туда захожу. Больше в окна заглядываю, где художники работают. Особенно люблю смотреть в окна перед праздником - 7 Ноября. Много-много фанерных щитов. На них они рисуют. Для меня они загадочный мир. Мне кажется, что их я различу в миллионной толпе. Не спутаю. У одних длинные волосы, у других - бакенбарды, у третьих - усы, пахнут красками. Нет, они особый народ!

Однажды мама мне сказала, чтобы я помылся, причесался. Дала чистую рубашку. Пойдем в ремесленное училище. Мне уже все стало безразлично: лишь бы не ругалась. Сегодня со мной она ласкова.

Весна. По тротуарам бегут грязные ручейки. Весело звенят красные трамваи. Солнце. Мне хорошо. Девчонки играют в классы. Глупые! Ничего в жизни не понимают. Мама разговаривает со мной, как с большим. Делится. Строит на будущее планы. От завода ей дали три дополнительные сотки земли. Посадили картошку. На зиму должно хватить.

Хорошая у меня мама!

Ремесленное училище стоит у завода. Я в этих местах редко бывал. Однажды приходил на проходную встречать маму.

Чем ближе, тем сильнее гудит завод. Черный гигант. Очень много высоких труб. Из них медленно выползает желтая «вата». Она показала на какие-то три рядом стоящие чудовища. Домны. Крайняя слева ее.

Как она там работает? Ведь страшно. Мне жалко маму. Мне стыдно за себя. Я лишь немного ниже ее ростом. Иду. Больше ничего не спрашиваю. Думаю.

С внешней стороны ремесленное училище, грязное, в копоти. Ждем звонка с урока. Директор на занятиях. Тихо. Я остался один. Мама ушла в канцелярию. Звонок. Очень шумно. Ох, как много таких, как я. Только они независимее выглядят, чем я. Кажется, на меня смотрят враждебно. Заметил даже, как двое ехидно скорчили рожи в мою сторону. Хорошо бы, они пришли бы, к нашему дому! Я бы дал им там!

Меня не приняли, говорят, набор закончен. Что делать? Но в душе я рад. Но мама?! Она пока молчит. Вдруг меня пробил дрожь. Мелькнула мысль. Иду рядом и не знаю, как сказать. Осмеливаюсь: «Мама, а что если сходить во Дворец ... учеником художника... А?» Нет: мама считает это баловством, несерьезным занятием. Зря только волновался. Идем молча.

«Давай-ка, сыночек, зайдем, попробуем счастья!» Тут я струсил. Сразу представил тех, за кем наблюдал в окно. Ох и дурак! Что себе вообразил? Вот и просторная площадь перед Дворцом. Поднимаемся по широкой лестнице. Перед дверью потемнело в глазах. Мама проталкивает меня вперед. Что-то недовольное говорит, кажется, вроде - «вымахал верзила»,... а дальше не понял. Мама разговаривает, а я молчу. Заметил, что художник с усами. Больше ничего. Смотрю в паркет. Хо-

чется убежать. Слышу говорят: «Пусть принесет рисунки свои, посмотрим. Нам нужен ученик». Ну до чего же я стыдлив! Прощаюсь и выбегаю. Мама вышла радостная. Я в сто раз счастливее ее. Только внешне хочу казаться сдержанным. Меня приняли художником! Правда, оформили пожарником. Штатной единицы такой, говорят, нет. Меня это нисколько не смущает. Правда, было бы лучше - «ученик художника». Ребята спросят. Как-то нелепо звучит: пожарник и художник. Лучше промолчу. Мама рада: оклад - 400 рублей. Завтра к 9 часам на работу. Мне нравится, что к девяти. Я - служащий.

Во Дворце работают пять художников. Я шестой. Но пока мне даже буквы не дают писать. А мне кажется, я бы смог. Развожу краски, варю клей, грунтую щиты. Мне нравится. Только что-то день короткий. Проклинаю обеденный перерыв. Все уходят на обед. Я скучаю. Особенно мне нравится Володя Палей. Он воевал. Ходит в гимнастерке и галифе. Однажды видел его в выходной день - вся грудь в орденах! Он некрасив. У него большой нос. Но я больше всех люблю его. Много рассказывает о войне. Для меня он становится идеалом. Я ему подражаю.

Мне доверили писать рекламу на щите. Не хочу, чтобы они смотрели. Унес щит на веранду. Написал, попросил, чтобы посмотрели. Пришли. Ахнули. Не ожидали. Молодец! Я опять смутился, что за дурная привычка стесняться?!

Узнал, что при Дворце есть изостудия. К нам в мастерскую зашел преподаватель. Поинтересовался, почему я к нему не хожу. Сказал, что щиты писать - дурак сумеет, что это халтура. А что это значит: плохо или хорошо? Мне он не понравился. Наверное, сам ничего делать не умеет.

Уже пишу самостоятельно рекламы для кино в летний театр. Домой прихожу весь в краске. За это меня ругает мама, но не так, как в детстве.

Нужно загрунтовать щиты. Бронзирую буквы. Скоро шесть часов. Не успею. В шесть начнется фильм «Падение Берлина». Тороплюсь. Кто-то меня зовет. Руководитель студии, Геннадий Никитович. Просит помочь перенести какие-то гипсы. Ах, черт! Как не вовремя. Студия на втором этаже. Бегу. Много белых бюстов. Говорят, это древние боги. Почему-то все слепые. Ах, какая красивая обнаженная девушка, как живая! Беру в руки. Роняю. Что наделал! У ног моих - голова девушки, подальше - туловище. Что мне будет?! Геннадий Никитович смотрит пристально и молча. Лучше бы ударил. «Знаешь, кого разбил?... Венеру - богиню любви и красоты». Отвечаю: «Накажите меня». «Придется. Останешься сегодня заниматься». «Фу! Ну и наказание! Конечно, останусь», - думаю про себя.

Мне понравилось рисовать с гипсов. Но хотелось бы живую натуру. Не пропускаю ни одного занятия.

Поступил в вечернюю школу, в 7 класс. Закончу - поеду учиться. Художественное училище мне снится. Много думаю, много читаю, больше о художниках.

Осень. Влюбился в Наташу. Учится в параллельном классе. Попросила оформить стенгазету, она тоже немного рисует. У нее красивые глаза.

Часто рассматриваю себя в зеркало - идиотская морда. Она тоже записалась в изокружок. Ревную ко всем...

Октябрь. Товарный вагон. Стук колес. Ночь. Вокруг темно. Глаза, глаза, глаза... Наташа, где ты? В голове рой, в горле ком. Еду на службу. Призвали на флот. Я так сильно люблю. Можно сойти с ума!

Латвия, Либава. Учусь на моряка - буду электриком флота. Проходим строевую подготовку. Новый мир. Меня перенесли на другую планету. Все свои - все чужие. Прошел месяц. Много молчу. У меня нет друзей. Все шутят, смеются. Наверное, знают друг друга давно. Поделиться не с кем. Пишу по десять писем в день. Получаю одно-два в неделю. Неужели меня все бросили? Неужели Наташа меня забыла?...

Черные шинели. Впереди спина. Нога к ноге. Строй. Много ног - один шаг. Идем на камбуз. Хочу рисовать. Альбом в вещмешке. Мешок на складе.

Прошло полгода. Удивляюсь себе. У меня есть друзья. Я смеюсь. Пришло письмо от друга. Наташа вышла замуж. Не очень переживаю: значит, так нужно. Читаю электрические схемы - паутина. Морское дело...

Учеба окончена. Нас списывают на корабли. Привыкли друг к другу. Жалко расставаться. Меня списали на тральщик...

Первый выход в море. Та-та-а -а, та-та-а-а, та-та-а-а. Звенят звонки, ревут ревуны. Один короткий - один протяжный. Аврал. Бегу на полубак к шпилью. По расписанию там мое место. Кругом спуют. Гудит трап от сотен ботинок. Не слышно голосов. Все делается молча. Голова гудит. Опять ударился о какую-то магистраль.

Небо синее. Темно. Ветер. Хлюпанье воды о борт. Крепкий ветер пронизывает через шинель до костей. Закусываю зубами ленты бескозырки. Ругается боцман. Сипло на кого-то кричит, чтобы не услышали на мостике. Темно. Черные силуэты матросов на синем небе. На мостике слабый свет. «Отдать концы!» - негромко, как бы заговорщически, долетает команда. «Есть отдать концы!», - принимает боцман... Бетонный берег начинает разворачиваться, корабль на ходу. Повсюду мигает много зелененьких, красненьких огоньков. Они, как живые, - каждый по-своему подмигивает: одни реже, другие чаще. На темных силуэтах кораблей зажигаются один над другим два белых огня - это нам желают счастливого плавания. Они называются фаловыми огнями. Вышли в море. Тишина. Только сердце корабля гулко стучит. Вот уже видно далеко-далеко много-много огоньков, да иногда черноту ночи разрежет луч маяка.

Отбой. Бежим вниз. В рубках тепло. Через четыре часа мне нужно идти на вахту в машинное отделение...

Зовут на вахту. Иду. Раскрываю дверь в машинное отделение. Меня отбрасывает теплый, мазутом и соляжкой пропитанный воздух. В ушах как будто работают кузнецы. Хаос шума. Настоящий ад. Мне что-то кричат в ухо. Ничего не слышно. Кругом трубы, магистрали теснят, сходятся, расходятся. Помпы, насосы, моторы, приборы друг на друге... Как будто вся техника сюда собрана. Я подавлен, физически и морально. А здесь четыре часа надо пробить! Считаю про себя: один, два, три, шестьдесят... 60 секунд - 1 минута. 600 - 10 минут. Осталось три часа пятьдесят минут. Нет, не смогу здесь так долго пробить!.. Люди вокруг - тоже железо. Насчитал уже два часа. Еще половина. Бесконечность...

Я уже месяц на корабле. Привыкаю. Самостоятельно несую вахту в машинном отделении. Страшно хочу рисовать. Но как? С чего начать? Никто не знает, что я рисую. Обстановка новая. Нужно начинать. Альбом лежит в рундуке. Воскресное утро. Ночь почти не спал. Все думал. После завтрака договорился с одним матросом. Он не очень удивился и согласился позировать. Идем в машинное отделение. Там тихо. Машины не работают. Никого нет.

Посадил. На фоне труб фигура хорошо читается. Карандаш уже шумит по бумаге. Чувствую, что в меня что-то вливается. Распирает от энергии и нетерпения. Понемногу успокаиваю себя. «Как хорошо, когда у человека есть что-то свое. Своя цель, планы, желания. У меня они есть. С этого дня буду каждый день рисовать. После демобилизации поступлю в училище. Это моя давняя мечта. Ее я никогда не подавлял, только в силу обстоятельств прятал». Так, рисуя, думал. Старательно рисовал детали. Не думал об общем и частном. Хотя знал по теории - нужно идти от общего к частному. Было приятно рисовать глаза - задумчивые, влажные. Мне казалось, они тоскуют по дому, по девчонке, они где-то далеко-далеко. Только не здесь. Потом перешел на губы. Пухлые, обветренные, немного треснутые. Вот сейчас они могут по средней линии разойтись, вылетят звуки, разорвут тишину, нарушат мои размышления.

Теперь я не расстанусь с карандашом и альбомом. Я привык, ко мне привыкли. И меня уже иначе как «художник» не зовут. Корабельный художник!

Как-то нес вахту. Захотелось подышать свежим воздухом. Полез по трапу к верхнему люку. Открыл. На меня пахнул радостный морской свежий ветер. Над головой разноголосый крик чаек. Они кружились над моей головой совсем рядом. Они неподражаемо красивы в полете. Они свободные птицы, куда захотят, туда и полетят. Могут полететь ко мне домой. Правда, у нас моря нет...

Я вновь записался в 7 класс вечерней школы - разрешили. Решил после демобилизации поступать в училище. Приходится немного трудновато. Иногда не досыпать, с книгой сидеть на вахте, что запрещалось.

Перешли базироваться в Кронштадт. Весна. Скоро экзамены. Взял увольнение в город. Нужно уладить дела со школой. Город старый, многое связано с историей. Вот Морской собор, построенный на деньги моряков. Перед ним распахнулась Якорная площадь. Немного влево - памятник адмиралу Корнилову. Поражаешься, как могли пустынный остров заковать в гранит, чугун, камень. Невольно в воображении рисуются события времен Петра.

В школу приняли. В Кронштадте будем переоборудоваться. В базовом морском клубе, говорят, есть изостудия. Хочется туда ходить, но времени очень мало»...

УЧАСТИЕ В ВЫСТАВКАХ:

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ выставка молодых художников России, Москва, 1966 год.

ЗОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ «СИБИРЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ»:

Омск, 1967; Красноярск, 1969; Томск, 1975; Барнаул, 1980; Кемерово, 1985; Красноярск, 1991.

РЕГИОНАЛЬНАЯ выставка: «Художники Сибири, Урала и Дальнего Востока», Москва, 1971.

ОБЛАСТНЫЕ:

«Молодые художники», Кемерово, 1966;
 «50-летию Октября посвящается», Кемерово, 1967;
 «Юбилею комсомола», Кемерово, 1968;
 «100-летию со дня рождения В.И.Ленина», Кемерово, 1970;
 «Шахтерам Кузбасса», Кемерово, 1972;
 «Художники Кузбасса», Ленинград, 1979; Москва, 1987.
 «Кузнецкая палитра», Новокузнецк, 1997.

В ГОРОДСКИХ выставках участвовал с 1965 года, в том числе:

XI городская художественная выставка, 1979;
 «40-летию Победы». Городская художественная выставка, 1985;
 «Автопортрет и портрет художника», 1987; «Весна-87»; «Весенняя выставка», 1989; «Осень-89»;
 «Весна-90»; «Август», 1991; «Весна-92»; «Осень-92»;
 «Новокузнецк глазами художника», 1993; «Новокузнецк-93»; «Весна-94»;
 «Выставка произведений членов Союза художников», 1994;
 Ретроспективная художественная выставка - 65-летию КМК, Новокузнецк, 1997;
 «380-летию Кузнецка», 1998.

С 1994 года постоянный участник выставок Выставочного Центра Санкт-Петербургского отделения Союза художников России;

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ: 1981, 1991, 1994, 1995, 1996, 1999, Новокузнецк.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ:

- Брагина Н.В.** - Выставка Лебедева. Буклет. Новокузнецк, 1991.
Брагина Н.В. - 1989 - 1994. Новокузнецкая организация Союза художников России. Каталог. Новокузнецк, 1994.
Высоцкая Т.М. - 11-я городская художественная выставка. Каталог. Новокузнецк, 1979.
Высоцкая Т.М. - 40-летию Победы. Городская художественная выставка. Каталог. Новокузнецк, 1985.
Высоцкая Т.М. - Художественная выставка - 65-летию КМК. Каталог. 1997.
Высоцкая Т.М. - Художники Новокузнецка. Альбом. Новокузнецк, 2000.
Данилова Л.Г. - Из истории художественной жизни Новокузнецка, 1930-1990 годы. Справочники. Новокузнецк, 1999.
Доронин А.И. - Руси волшебная палитра. Москва. «Молодая гвардия», 1992.
Откидач В.А. - Лебедев Иван Александрович. Буклет. Новокузнецк, 1981.
Откидач В.А. - Уголь Кузбасса. Каталог. Кемерово, 1982.
Откидач В.А. - Художники Кузбасса. Ленинград, «Художник РСФСР», 1984.
Рубинчик Т.А. - И. Лебедев. Буклет. Кемерово, 1974.

302

**ЛЕБЕДЕВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1931-1998)**

Родился в п.Ояш Новосибирской области.
С 1935 года жил в Новокузнецке.
Живописец, член Союза художников с 1973 г.
Закончил Казанское художественное училище (1956-62гг.)
Участник областных, зональных и республиканских выставок.
С 1993 года жил и работал в г. Павловске (Санкт-Петербург).

Автор вступительной статьи и каталога:
Т. М. Высоцкая, искусствовед,
член Союза художников,
научный сотрудник Новокузнецкого
художественного музея.

Издание подготовили:
Сергей Лебедев, Татьяна Высоцкая.

Фоторепродукции:
Олег Белобородов.

Фотографии:
Виктор Бастрыкин.

Макет, компьютерный набор:
**Татьяна Высоцкая,
Игорь Нефедов.**

Компьютерная вёрстка:
Алексей ЛУЗИК.

Цветоделение:
Сергей Кириевский.

*Новокузнецкий художественный музей,
отделения Союза художников России
в Новокузнецке и Санкт-Петербурге
выражают глубокую благодарность
ОАО «Сибирская горно-металлургическая компания»
в лице А. Г. Смолянинова и Г. С. Омельчук
за финансовую поддержку издания.*

На первой странице обложки:
Весна. Фрагмент.
На четвертой странице обложки:
Весна. 1994. Холст, масло, 80,0x95,0.

Отпечатано в
ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат», з.5413, т. 500.
<http://www.poligrafnpk.da.ru/>
E-Mail: npk_prepress@nvkz.kuzbass.net

28

Новокузнецк-Павловск, 2000г.